

FIVE YEARS
OF
THEOSOPHY.

*MYSTICAL, PHILOSOPHICAL,
THEOSOPHICAL, HISTORICAL AND SCIENTIFIC
ESSAYS,*

Selected from "The Theosophist."

LONDON:
REEVES AND TURNER
196 STRAND, W.C.
1885.

Перевод осуществлён по изданию: Five Years of Theosophy. Mystical, Philosophical, Theosophical, Historical and Scientific Essays Selected from "The Theosophist". London: Reeves and Turner, 1885.

Перевод на русский язык © 2023 г. Владимир Валентинович Базюкин.

Электронный вариант настоящей публикации, осуществлённой издательством Theosophical University Press, ISBN 978-1-55700-256-3. Все права защищены. Данное издание может быть скопировано бесплатно для ознакомления в индивидуальном порядке. За исключением небольших отрывков, никакая часть настоящей публикации не может воспроизводиться или передаваться для использования в коммерческих или иных целях в каком угодно виде без предварительного разрешения издательства Theosophical University Press.

Мудрецы Химавата

Дамодар К. Маваланкар

. . . Во время нашей с полковником Олькоттом поездки имело место немало феноменов, причём феномены эти могли происходить как в его присутствии, так и в его отсутствие. Были они самого разного свойства: например, члены нашего Общества задавали интересовавшие их вопросы и тут же получали на них ответы, написанные почерком моего Учителя и за его собственноручной подписью.

Всё это происходило ещё до того, как мы прибыли в Лахор, где намеревались встретиться с моим Учителем — там он должен был явиться к нам в своём физическом теле. Там-то он и явился ко мне в своём физическом теле. Происходило это в течение трёх ночей подряд, и каждое его посещение длилось около трёх часов. Я же во время его посещений оставался в полном сознании, а однажды, чтобы встретиться с ним, мне даже пришлось выйти наружу из здания, в котором находился тогда.

У спиритуалистов мне ещё не доводилось встречать сообщений о таких случаях, когда медиум мог бы точно так же, по предварительной договорённости, принимать у себя гостя-духа, сохраняя при этом самое ясное сознание; мог бы, встретившись с ним во дворе, затем снова зайти вместе с ним в дом, предложить ему сесть в кресло, а затем повести с "развоплощённым духом" долгую беседу, словно перед ним находится точно такая же заключённая в физическое тело сущность, как и сам "медиум".

Более того, перед моими глазами в Лахоре оказался тот же самый человек, которого я уже видел до того в штаб-квартире Теософского общества, куда он являлся в своей астральной форме, и опять-таки это был тот же самый человек, которого я в своих видениях и состояниях транса ранее уже видел в его собственном доме, находившемся от меня за тысячи миль и куда я попадал, пребывая в своём астральном эго, при его прямой помощи и покровительстве.

В то время психические способности ещё только-только начинали формироваться во мне, а потому я всегда наблюдал его в виде какого-то очень туманного образа, хотя при этом я с совершеннейшей ясностью различал черты его лица: их я воспринимал глазами своей души, и они накрепко врезались в мою память. Однако теперь, когда я находился в Лахоре, Дхамму или где-либо ещё, впечатления у меня были уже совершенно иными. Раньше, когда я произносил: "Пранам!", приветствуя его, руки мои, бывало, легко проходили сквозь его [астральную — перев.] форму.

Теперь же они натыкались на его плотную одежду и твёрдую плоть. Здесь [в Лахоре — перев.] перед моими глазами стоял живой человек, я видел перед собой тот оригинал, с которого и были написаны те портреты, что ныне хранятся у г-жи Блаватской и г-на Синнетта, но этот оригинал всем своим величественным обликом и обхождением не шёл ни в какое сравнение с его портретными изображениями.

Не стану здесь останавливаться на том, как он в своём телесном облике являлся поочерёдно то к полковнику Олькотту, то к г-ну Брауну на протяжении двух ночей в Лахоре. Они при желании могут об этом рассказать гораздо лучше меня. Однако в Дхамму, куда мы проследовали из Лахора, г-н Браун снова видел его вечером на третий день после прибытия туда. Тогда же он получил от него и письмо — оно было написано его знакомым почерком. Я не говорю уже о том, что почти каждый день он являлся и ко мне. Но, пожалуй, во всём Дхамму не сыщется человек, который не слышал бы о том, что произошло уже на следующее же утро.

А дело было так. Мне выпало великое счастье быть направленным в некий священный ашрам, где я в течение нескольких дней пребывал в общении с некоторыми махатмами из Химавата и их учениками. Там встретился я не только с благословенным моим Гурудэвой, который был одновременно и учителем п-ка Олькотта, но и с некоторыми другими членами братства, в том числе и с одним из числа наивысших. Мне очень жаль, но чрезвычайно личный характер моей поездки в те трижды благословенные области не позволяет мне рассказать обо всём более подробно.

Скажу лишь, что место, которое мне позволили посетить, находится в Гималаях, а не в какой-то вымышленной "стране вечного лета", и встретился я со своим Учителем, оставаясь в собственном своём стхула-шари́ре (физическом теле). Я заметил, что видом своим он точь-в-точь походил на ту форму, которую я наблюдал в прежние дни моего ученичества. Мой возлюбленный гуру предстал передо мной в своём физическом облике не просто как обычный живой человек, но ещё и как молодой человек, и этим он отличался от некоторых других садху из общества этих благословенных собратьев.

Только был он гораздо добросердечнее их, и в наших беседах порой не прочь был отпустить и весёлую шутку.

Так, на второй день после моего прибытия в ашрам я удостоился беседы с моим Учителем, которая продлилась более часа. С улыбкой на губах он спросил меня, отчего я так пристально смотрю на него? На этот вопрос я ответил своим вопросом:

— А отчего, Учитель, некоторые члены нашего Общества взяли себе в голову, будто вы "старик"? По их словам, они даже ясновидчески наблюдали вас, и вы казались им стариком, которому перевалило уже далеко за шестьдесят.

На вопрос мой он с широкой улыбкой ответил, что это обычное заблуждение, и виной тому некий брахмачарин, ученик одного ведантиста-свами из Пенджаба. Этот брахмачарин, как следовало из слов моего Учителя, повстречался в прошлом году на Тибете с главой некой школы, а тот был уже пожилым ламой.

Его-то брахмачарин и принял за моего Учителя, странствовавшего в то время по Тибету вместе с этим ламой. Что же касается ясновидческих наблюдений, в которых он представал "стариком", то, сказал он, ясновидение никогда не привело бы их к этой ошибке, будь оно подлинным. А затем он мягко пожурил меня за то, что я придаю столь большое значение возрасту гуру: внешность нередко бывает обманчива, сказал он, переходя к другим своим объяснениям.

Таковы реальные факты, и здесь лишь одно из двух: либо слова мои — правда, либо — ложь. Третьего не дано. В первом случае это означает, что спиритуалистические теории неверны, и необходимо признать, что гималайские Братья — это живые люди, а вовсе не какие-то развоплощённые духи или иные плоды разгорячённой фантазии фанатиков. Разумеется, я прекрасно понимаю, что многие воспримут рассказ мой с недоверием. Однако пишу я ради пользы лишь тех немногих, кто знает меня достаточно хорошо, чтобы ни усматривать в моей персоне галлюцинирующего медиума, ни приписывать мне каких-либо дурных намерений.

Я обращаюсь к тем, кто всегда оставался верен и своим убеждениям, и тому делу, которому они столь благородно посвятили всю свою жизнь. Что же до большинства, которое смеётся и глумится над тем, что им не дано и что они сами не желают понять, то мне до них нет никакого дела. Если эти несколько строк подвигнут хотя бы одного нашего собрата по Обществу или любого трезво мыслящего человека вне его на то, чтобы дальше содействовать продвижению дела Истины и Человечества, то я буду считать свой долг полностью выполненным.